

Юлия Александровна ЦИМБАЛОВА
Ольга Константиновна ЛАГУНОВА

УДК 821.161.1.09

ОБРАЗ РЕКИ В РАССКАЗАХ Е. Д. АЙПИНА И В. И. БЕЛОВА

¹ аспирант кафедры русской литературы,
Тюменский государственный университет
tjuliya@yandex.ru

² доктор филологических наук,
профессор кафедры русской литературы,
Тюменский государственный университет
eleshenka@yandex.ru

Аннотация

Цель данной статьи — выявление и исследование нового материала для расширения представлений об онтологическом дискурсе в культурах Европы и Азии. В силу того, что онтологическая проза сегодня признается особым типом художественного высказывания о мире, вопрос о соотношении в ней этноспецифического и архаикотипологического по мере расширения исследования самого контура данного феномена неизбежно воспроизводится в качестве актуального. Поэтому топос реки (наряду с другими знаками (гора, дерево, очаг, переправа и т. д.) в его структурно-образном и семантическом наполнении является показательным объектом изучения для специалистов, придерживающихся этнофилологического подхода к рефлексии литературных текстов. Особенно это значимо в тех случаях, где материалом сопоставления служат произведения художников различных религиозных ориентаций (язычество / православие). Анализ рассказов хантыйского мастера слова Е. Айпина и русского прозаика В. Белова выявил, с одной стороны, архетипическую основу функционирования топоса реки, его связь с конститутивными параметрами традиционной культуры (космос, род, память), с другой — несхожесть национальных версий образа реки (например, наличие интуиции перетекания в хантыйской картине мира).

Цитирование: Цимбалова Ю. А. Образ реки в рассказах Е. Д. Айпина и В. И. Белова / Ю. А. Цимбалова, О. К. Лагунова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2017. Том 3. № 2. С. 59-70.
DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-2-59-70

Наблюдения и выводы авторов статьи фиксируют значительную веерность семантических вариантов нарративных моделей при включении топонимов в текст в опыте христианского мастера рассказа и топонимическую закрепленность повествования в опытах языческого прозаика. При этом субстантивация реки от персонажей и их судеб в текстах вологодского мастера слова воплощается значительно активнее и утверждается автором как бытийственная норма.

Ключевые слова

Река, рассказ, образ, традиционная культура, мифопоэтика.

DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-2-59-70

Установка на постижение человека в единстве связей «человек — его внутренний мир» и «человек — общество» обусловила поиск представителями онтологической прозы адекватного языка для осмысления данной проблемы [8, с. 123-125]. Писатели сосредотачивают внимание на универсальных темах, образах, символах, заключенных в произведениях устного народного творчества. В эпоху глобализации именно они являются носителями этнической культурной памяти, позволяющими сохранить и транслировать в жизнь ее компоненты. Несмотря на разные темпы развития, каждый этнос проходит через стадию традиционной культуры, оперирующей, по словам А. М. Сагалаева, определенным комплексом доминантных символов мировоззрения. Они, отмечает исследователь, позволяют смоделировать, описать и осмыслить любые процессы и явления [14, с. 17].

В рассказах представителей двух этносов — русского (В. Белов) и хантыйского (Е. Айпин) можно выделить немало пространственно-временных образов, позволяющих воссоздать внутренний мир человека и осмыслить его место в окружающем мире. Среди компонентов художественной топографии наибольшее количество смыслов несет река. Этот образ, как отмечает В. Н. Топоров, является одним из фундаментальных мифологических элементов в художественных текстах, фиксирующих представления разных народов о мире [15, с. 374]. Исследователь доказывает универсальность данного символа множеством вариантов трактовок: река может быть осмыслена как препятствие, опасность, граница рода, вход в подземное царство, речь, прорицание [15, с. 376].

Река как элемент мифопоэтики текста функционирует в творчестве большинства писателей-онтологов Европы и Азии. Актуализация глубинных смыслов, заложенных в этом образе, позволяет художникам воссоздать утраченный для современного, но характерный для традиционного мировоззрения принцип восприятия пространства и времени как единого целого. Так, в рассказе В. Астафьева «Царь-рыба» сквозной образ Енисея не только задает географические координаты, но и определяет темпоральную отнесенность событий. Открывая и завершая повествование, образ реки создает эффект зеркальной композиции, уравновешивая частное и общее. Следуя от воспоминания к вос-

поминанию, читатель все глубже погружается во внутренний мир рассказчика, в то же время ему все шире раскрывается панорама повествования. Река в финале возвращает в настоящее и замыкает связь личного со вселенским. В тексте частотны ассоциации человеческой жизни и реки: «...канул в бурлящий водоворот» [4, с. 6]; «...хотелось человеку верить, что там, за гробом, во все утихающей тьме продлится видение родной реки»; «...толкала его к реке потребность удостовериться, что за его жизнью продлится жизнь» [4, с. 280]; «Все течет, все изменяется» [4, с. 295]. На фоне краткости человеческой жизни величественный образ реки утверждает вечное торжество природы.

В повести В. Распутина «Прощание с Матерой» мифологическое время задает образ Ангары: «Текла в солнечном сиянии Ангара... текло под слабый верховик с легким шуршанием время» [13, с. 151]. Река в произведении актуализирует и сюжетную линию, основанную на мифологическом мотиве реки-испытания, о котором пишет В. Н. Топоров [15, с. 376]. Воплощенная в образе реки мифологема божьего суда в тексте призвана выразить приговор каждому обитателю острова. Здесь наблюдается парадоксальная обратная зависимость: чем больше герой привязан к острову и дорожит родным гнездом, тем большую вину он чувствует из-за невозможности спасти Матеру. Образ реки у В. Распутина, как и у В. Астафьева, актуализирует идею сложного жизненного противоречия в сочетании ее цикличности с изменчивостью: «И как нет, казалось, конца и края бегущей воде, нет и веку деревне: уходили на погост одни, нарождались другие, заваливались старые постройки, рубились новые» [13, с. 8].

В рассказах Е. Айпина образ реки также выверяет для читателя моральные установки персонажей. Так, в «Последнем рейсе» в корне отличающееся отношение к побережью Агана разводит героев по принципу «свой» / «чужой», дает представление о жизненных приоритетах каждого из них. Как и Константин, бережно относится к реке герой рассказа «В урмане». Повествователь фиксирует, что Коска настолько хорошо знает свою реку, что уже интуитивно может направлять плот, чтобы обойти пороги.

Мифопоэтический смысл образа реки в рассказах Е. Айпина, как и в произведениях В. Распутина и В. Астафьева, заключается в одновременном постижении пространства и времени. В «Последнем рейсе» река позволяет осмыслить, какие изменения произошли на малой родине героя: «Сколько лесов вырубил на этой некогда щедрой реке Аган, сколько воды перемutilили катера, сколько ее леса перечесали лесорубы с ружьем, а зверь-птица еще не перевелась вся. Река яростно борется за свою жизнь» [1, с. 9]. На разорение территорий, принадлежащих коренным жителям Севера, в рассказе «В урмане» также указывают детали, описывающие реку: осина, лежащая поперек русла, вымершие звери и птицы вдоль течения. Дополняют описание эпитеты «помертвевшая», «приунывшая». В рассказе «Конец рода Лагермов» изменения жизни некогда тихой реки также фиксируют вторжение «чужаков»: «По некогда тихой реке засновали быстроходно громкие дюралевые шлюпки...» [1, с. 37].

Река для хантыйского прозаика — символ рода. Эту мысль в рассказах автора акцентирует мотив единения. Как пишет А. В. Головнёв, расселение ханты по устьям семи крупных рек (Пим, Тромьеган, Аган, Большой и Малый Юган, Демьянка, Салым) связано с разграничением родовых угодий [7, с. 261]. Нередко в мифах, сказках, преданиях, художественных произведениях писателей-северян подчеркивается физическая и духовная близость человека к реке. Так, в рассказе «Русский Лекарь» род Сардаковых исконно селился вдоль реки Ягурьях (в переводе с хантыйского — «Кольчуга-река»). Ее имя заключает в себе память народа, который с древности воевал. Подобно тому, как кольчуга защищала тела воинов, река Кольчуга охраняла их память и историческую общность. В тексте «Ночь Маэстро» рассказчик чувствует особую связь с художником, как и он, родившимся на Оби: «Нас связывало многое. Прежде всего Река. Большая сибирская Обь» [2, с. 92]. Выделенное заглавной буквой слово «Река» вызывает ассоциацию с закрепленным в традиционных культурах представлением о реке, как о «стержне» вселенной [15, с. 374].

Ключевые моменты сюжета ряда рассказов Е. Айпина происходят на реке. Там погибает сын Маремьяна Лагерма («Конец рода Лагермов»), застреленный Беспалым [10, с. 74-80]. В рассказе «В урмане» спасение тонущего Коски становится поводом для знакомства с Федором Петровичем. Рейс по реке («Последний рейс») позволяет Константину лучше узнать капитана, глубже ощутить разницу между своим и чужим. Молодой человек, успевший испытать на себе влияние «чужой» среды, убеждается в правильности жизненной позиции, выстроенной в соответствии с логикой разумного природопользования. Все эти ситуации актуализируют мифопоэтическое значение реки как территории испытания. Достоинство прошедшие их и сумевшие сохранить и укрепить свои убеждения герои транслируют непреложную истину: нет ничего важнее жизни, будь то человек, растение или животное. Река осмысливается в данном случае и в качестве стихии рождения и смерти. Именно поэтому, отмечает О. К. Лагунова, в эпилоге цикла «Время дождей» сказано, что Истина «хранится в водах Большой реки» [1, с. 173; 10, с. 162-170].

Водная стихия в рассказе «Река-в-Январе» [9, с. 63-81] представлена в двух образах: реки и океана. Бурный океан, южный климат олицетворяют горячий темперамент южан. Но сердцу героя больше по душе спокойная безмятежность реки, которая напоминает о родном севере, его сдержанной суровости. Именно поэтому его внимание приковано к северянке из Канады. В памяти Джереми образы девушки и реки фиксируются одновременно, что подчеркивает слитность героини с природной стихией. В момент первой встречи герой отмечает, что река «была просто изящной» [2, с. 99]. Следующая встреча с Селесте указывает на возникший интерес к северянке: «Поразительно, никогда не устаешь смотреть на живую бегущую воду. Особенно в океане или в море. Но и в реке, конечно» [2, с. 101]. Река становится символом родства не только ханты, но и представителей разных народов: «Там у меня такой же белый-белый песок, как и здесь на пляже. Вместо Атлантики — синяя река. А за

спиной вместо городских высоток — сосны, зеленый-зеленый бор. И в этих соснах, на крутояре, — мой дом» [2, с. 105].

В рассказе «В окопах, или Явление Екатерины Великой» две реки — Ляпин и Иртыш — задают мотив двойного родства. Первая, протекающая на Приполярном Урале, указывает на связь земляков, а вторая, по которой лежит путь героя и героини до военного пункта Черемушки, — на родство соотечественников, возникшее в борьбе с общим врагом: «Конечно, мы вспомнили дом, свою малую родину, свои деревни и города. И я почувствовал, как между нами протянулась ниточка, которая незримо связывает двух человек на основе симпатии и доверительных отношений» [2, с. 105].

В тексте «Ночь маэстро» рассказчик также фиксирует тождество доминантных пространственных образов: «Если бы не эта высокая гора с каменистыми залысинами наверху, можно было подумать, что тут протекает Обь в среднем течении, в районе Сургута, и мы сидим у себя на родине, любуясь обскими водами» [2, с. 78]. Река в произведении — это и источник, где черпает вдохновение и отдыхает в свободное от работы время Маэстро. В тексте сказано, что все его времяпровождение сводилось к двум занятиям: работе над картинами и рыбалке. В творчестве героя, как и в природе, нет ничего лишнего. А тот факт, что у него не было периода ученичества, подчеркивает мысль о том, что истинное творчество независимо от науки и разума, оно дано свыше: «Он родился художником. Оказался живописцем с первого рисунка» [2, с. 80]. В картинах Маэстро воплощен магистральный для онтологической прозы принцип связи всего со всем: «Он мог из космической бесконечности взглянуть на травиночку, ласкающую чело Матери-земли. И травиночка оживала, преображалась и могла обрести черты и женщины, и богини, и народа» [2, с. 83].

Эти характеристики творца и его творений, а также упоминание о его родине — Салыме — в рассказе позволяют обнаружить сходство с образом Геннадия Райшева, который становится главным героем главы «Сотворенной Реки Человек» в программной для автора книге «У гаснущего очага» [10, с. 171-181]. Глава описывает удивительный мир, созданный художником. Уникальность полотен заключается в том, что на них обыкновенный пейзаж одухотворен кистью мастера: «Но, оказывается, утка может обернуться деревом, а дерево — уткой, болото — женщиной, а высокая трава — мужчиной-охотником. Раньше все это было только в сказках, лишь в моем изображении. Теперь же сказка стала реальностью, и я все вижу наяву и могу к ней прикоснуться» [3, с. 75].

Эпитет «Сотворенной Реки» вызывает ассоциацию с космогоническими мифами о рождении мира из воды. Эта связь между Творцом и рекой, создавшей его, у Е. Айпина, обуславливает и соответствующую жизненную миссию художника. Подобно тому, как возникает из воды жизнь, оживают на полотнах Райшева хантыйские леса, озера, люди: «И, словно из пепла, в его полотнах возрождалась его земля [2, с. 88].

Как справедливо отмечает А. В. Лебедева, одним из источников творческого потенциала творца является принадлежность к определенной этнической

общности [12, с. 66]. Успех многолетнего плодотворного сотрудничества писателя и художника обусловлен, по мнению исследователя, стремлением сохранить свой народ и культуру, что, в свою очередь, утверждает общечеловеческие ценности [12, с. 67].

Параллелизм природы, обычаев, традиций представителей разных уголков мира как путь утверждения онтологического статуса «своего» будет развит писателем в путевых заметках «Во льдах Нунавута» и «В гостях у Танцующего Духа Солнечной Земли». Сюжет произведений основан на путешествии и встрече рассказчика с представителями коренных малочисленных народов Канады и Мексики. Исследуя опыт взаимодействия иннуитов и индейцев с представителями местных правительств, рассказчик открывает новые перспективы для развития народов русского Севера.

Не только в хантыйской, но и в славянской мифологии образ реки функционирует как объект особого почитания. А. Л. Топорков указывает, что река в культуре славян также обретает множество смыслов: место совершения обрядов, граница миров, судьба, смерть, ощущение утраты [16, с. 405-407]. Не случайно в мифопоэтике рассказов В. Белова образ реки имеет конститутивное значение. В «очерках о народной эстетике» писатель указывает на множество интерпретаций, которые получил этот природный объект в национальном сознании: «Что-то родное, вечно меняющееся, беспечно и непрямо текущее, обновляющееся каждый момент и никогда не кончающееся, связующее ныне живущих с уже умершими и еще не рожденными, мерещится и слышится в токе воды» [5, с. 66]. Особенностью трактовки данного образа в рассказах русского прозаика является большая степень обобщения. В отличие от Е. Айпина, который часто указывает название реки (Аган, Кольчуга-река, Салым), в рассказах В. Белова, как правило, нет конкретной географической привязки [11].

В тексте «Весна» река ассоциируется с судьбой, заставляющей жить героя вопреки потерям близких. Об этом свидетельствует непрекращающийся шум реки и ее притоков: «...река разлилась и ровно шумела внизу, за деревней» [6, с. 27]; «...шумел и бурлил пузыристый Ярыкин ручей» [6, с. 30]; «...в канавах шумели вешние ручьи» [6, с. 31]; «...шум половодья чуть притих, словно давая потачку уходящей зиме» [6, с. 32]; «...шумел уже затихающий Ярыкин ручей» [6, с. 34]; «На секунду запечатлелось в голове багровый овинный отблеск и шум полевого ручья» [6, с. 35]; «...за овином шумел неутомимый Ярыкин ручей» [6, с. 35]. Характерно, что каждое упоминание о звуках движущегося водоема имеет свой акцент («ровно», «чуть притих» и др.), что связано со сменой эмоционального состояния героев. Так, первые три примера из текста сопровождают описанную в рассказе весеннюю оттепель и новость о завершении войны. Притихший и затихающий звук журчащей воды возникает в переломный момент рассказа, связанный с гибелью близких Ивана и вернувшейся зимней стужей. Последние два цитируемых фрагмента свидетельствуют о возвращении героя к привычной жизни, его раскаянии и принятии судьбы.

В славянской культуре, отмечает А. Л. Топорков, распространены представления о реке как границе между мирами [16, с. 406]. Как и в рассказах Е. Айпина, у В. Белова («Весна», «Бобрищный угор», «Новострой», «На Росстанном холме») упоминается речка, ограждающая деревню от остального мира. В мифопоэтике русского прозаика река сопряжена с озером. Так, в тексте «Холмы» огибающая кладбище озерная подкова, в водах которой отражается церковный купол, задает границы между мирами: божественным (церковь, небо), земным (рассказчик) и загробным (кладбище).

В некоторых рассказах Е. Айпина ключевые события также происходят на озере. В «Лебединой песне» место, где обитают прекрасные лебеди, навсегда меняет представления Марины о земной жизни, мотивирует изменить и ее отношение к Диме. Убийство птицы можно интерпретировать как нарушение гармонии, вмешательство Хаоса в Космос. В тексте «Бездомная собака» озеро, разделенное на две части, определяет границу «своих», т. е. коренных жителей сибирской глубинки, и «чужих», вторгшихся в мирную жизнь поселка: «Нартовая дорога на две равные половины разрезала белую чашу озера Магилор(...) Отсюда машинная дорога по борам-беломошникам уходит вверх и вниз вдоль реки(...) Бурный и неумолкающий зимник оживает сразу же вскоре после ледостава и замирает весной перед самым ледоходом. Тихая нартовая колея сторонится зимника, петляет по болотам и озерам, бежит вдоль ключей и ручьев. Но сколько бы они ни разбегались и ни отворачивались друг от друга, все равно пересекаются, все равно встречаются» [1, с. 101]. Два пути — нартовая дорога и шумный зимник — это два топоса, олицетворяющие разные культуры. Путь Микуля — это философия естественного сосуществования с природой, главная цель которой — не навредить окружающему. Путь «чужих» связан с разрушением, которое в итоге обернется против самих же разрушителей.

Контраст тихой реки и шумной дороги обозначен и в рассказе В. Белова «Гоголев»: «Какая светлая и доступно-величественная была эта река, несмотря на все человеческие старания сгубить ее! Теперь, когда сплав прошел и черные топляки, не преодолев собственной тяжести, покорно легли на дно, вода опять стала чиста и спокойна (...) Только дорога изредка рычала моторами да высокие холмистые берега хранили следы исчезнувших деревень» [6, с. 114]. В «Очерках о народной эстетике» можно обнаружить причину противопоставления двух магистральных образов народной поэзии — реки и дороги. Писатель объясняет, что первый путь ассоциируется с вечным, неподвластным человеку началом, в то время как второй связан со вторжением людей в природу: «А нельзя ли условиться и хотя бы ненадолго представить эмоциональное начало речкой, а рациональное — дорогой? Ведь и впрямь: одна создана самою природой, течет испокон, а другая сотворена людьми для жизни насущной» [15, с. 39].

В рассказе «Бобрищный угор» возникает прямое сравнение течения времени и реки: «Ты поминутно подкидываешь в огонь, а за окнами плывет летняя ночь, плывет время. Сейчас оно ассоциируется для меня с твоей рекой, которая никогда не останавливается. Невозвратность наших минут похожа на невозврат-

ность слоеных речных струй, вода так же, как и время, никогда не вернется обратно» [6, с. 529]. Время в рассказе нелинейно, оно циклично и максимально приближено к мифологическому времени. Именно река помогает рассказчику заново обрести чувство вечной гармонии, уверенности в том, что жизнь бесконечна: «Мы удим, а это значит, мы уже как бы и не мы, мы растворились, сравнялись с вечной природой, произошло то самое слияние с рекой, кустами и травой, с небом, ветром и птицами, когда забываешь самого себя. Наверно, в этом и есть главная тайная прелесть ужения и охоты» [6, с. 530]. Гармонизации отношений прошлого и настоящего способствует эффект одновременного присутствия сознания в разных временных точках: «Глядя на поплавок, забываешь о преходящей своей сути, забываешь о неизбежности своего конца. Мир снова стал цельным и гармоничным, как в раннем детстве, когда мысль о конце еще ни разу не ознобила тебя твоим безжалостным инеем» [6, с. 530].

Заглавие рассказа «Речные излучки» определяет ключевой образ произведения. Река в данном тексте выступает метафорой времени, а ее излучки отождествляются с критическими событиями человеческой жизни. Это тождество достигается сравнением: «Река была длинна, солнечна и немного печальна своей тишиной. Богатая излучками, она похожа была на самую жизнь, долгую и никогда не повторяющую прошлое» [6, с. 559]. Повторяющаяся в рассказе фраза «излучка сменяла излучку» позволяет передать не только динамику физического перемещения, но и указывает на самые острые моменты в воспоминаниях героя (первая встреча с возлюбленной, знакомство с ее супругом и дочерьми, новость о гибели Насти). В финале точка зрения повествователя снова перемещается с героев на пейзаж. Бесконечный горизонт и непрерывающееся движение реки утверждают идею бесконечности времени: «Река дремала, курилась у берегов, и под этим сонным туманом не заметны были теплые, могучие, глубинные струи, переплетавшиеся и без усталости стремящиеся между зелеными берегами куда-то далеко-далеко, к неведомому холодному морю» [6, с. 568].

Река как метафора времени, связи с предками, испытания, границы — это многообразие смыслов образа реки в рассказах Е. Айпина и В. Белова подтверждает значимость данного объекта художественной топографии в эстетической системе русского и хантыйского прозаиков. Будучи доминантным символом традиционного мировоззрения, река в текстах обоих писателей позволяет осмыслить через единство пространства и времени универсальную связь человека и среды, его окружающей. В то же время этнический компонент художественного ландшафта позволяет воссоздать в рассказах уникальный мир, отражающий определенное национальное самосознание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айпин Е. Д. Клятвопреступник / Е. Д. Айпин. М.: Наш современник, 1995. 423 с.
2. Айпин Е. Д. Река-в-Январе / Е. Д. Айпин. СПб.: ООО «МИРАЛЛ», 2007. 208 с.
3. Айпин Е. Д. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. У гаснущего очага / Е. Д. Айпин. СПб: ЗАО «Торгово-издательский дом «Амфора», 2014. 286 с.
4. Астафьев В. П. Собрание сочинений в 15 т. Т.6. Царь-рыба / В. П. Астафьев. Красноярск: ПИК «Офсет», 1997. 432 с.
5. Белов В. И. Лад: Очерки о народной эстетике / В. И. Белов. М: Молодая гвардия, 1982. 293 с.
6. Белов В. И. Собрание сочинений в 5 томах. / В. И. Белов. М.: Современник, 1991. Т. 1. 608 с.
7. Головнёв А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров / А. В. Головнёв. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 608 с.
8. Комаров С. А. Феномен молчания в русской и русскоязычной онтологической прозе 1970-х годов / С. А. Комаров, Е. Л. Юдинцева // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2014. № 1. С. 122-130.
9. Комаров С. А. Изучение литературы в региональном аспекте / С. А. Комаров, О. К. Лагунова, З. Я. Селицкая. Ишим: Изд-во ИГПИ им. Ершова, 2011. 192 с.
10. Лагунова О. К. Феномен творчества русскоязычных писателей ненцев и хантов последней трети XX века (Е. Айпин, Ю. Вэлла, А. Неркаги) / О. К. Лагунова. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2007. 260 с.
11. Лагунова О. К. Онтологический дискурс и традиционный герой в рассказах В. И. Белова / О. К. Лагунова, Ю. А. Цимбалова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2015. Т. 1. № 3(3). С. 59-71.
12. Лебедева А. В. Сотворчество писателя Еремея Айпина и художника Геннадия Райшева / А. В. Лебедева // Вестник НВГУ. 2012. № 3. С. 66-70.
13. Распутин В. Г. Прощание с Матерой / В. Г. Распутин // Собрание сочинений в 4 т. Т. 4. Иркутск: Издатель Сапронов, 2007. С. 5-236.
14. Сагалаев А. М. Урало-алтайская мифология: Символ и архетип / А. М. Сагалаев. Новосибирск: Наука, 1991. 155 с.
15. Топоров В. Н. Река / В. Н. Топоров // Мифы народов мира. М.: «Советская энциклопедия», 1994. Т. 2. С. 374-376.
16. Топорков А. Л. Река // А. Л. Топорков // Славянская мифология. М.: Междунар. отношения, 2002. С. 405-407.

Yuliya A. TSIMBALOVA¹
Olga K. LAGUNOVA²

THE RIVER IMAGE IN THE STORIES OF YE. D. AIPIN AND V. I. BELOV

¹ Postgraduate Student,
Russian Literature Department,
Tyumen State University
rijuliya@yandex.ru

² Dr. Sci. (Phylol.), Professor,
Russian Literature Department,
Tyumen State University
eleshenka@yandex.ru

Abstract

The purpose of this article is to identify and study new material for insight into the ontological discourse in the cultures of Europe and Asia.

Nowadays the ontological prose is considered to be a specific type of literary discourse about the world. Due to this fact, the problem of correlation of the ethnic-specific and archaic-typological has been intensively discussed. This issue becomes topical when expanding the outline for study of this phenomenon. Thus, the topos of river (including another sings: mountain, tree, hearth, crossing, etc.) with structure-figurative and semantic content is supposed to be a significant object of research for specialists, following the ethno-philological reflection approach of the fiction. This is especially important when the works of artists with different religious confessions (paganism/orthodoxy) are compared.

The analysis of an outstanding Khanty writer Ye. Aipin's and Russian writer V. Belov's stories revealed, on the one hand, the archetypical base of the image of river, its connection with constitutive parts of traditional culture (space, genus, memory), on the other hand, the difference of national variations of the image of river (for example, the intuition of flow in the Khanty world view).

Citation: Tsimbalova Yu. A., Lagunova O. K. 2017. "The River Image in the Stories of Ye. D. Aipin and V. I. Belov". Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 3, no 2, pp. 59-70.

DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-2-59-70

The observations and conclusions of the authors record a significant number of semantic variants of the narrative models with the inclusion of toposes in the text in the experience of the Christian story master and place the narrative tightness in the experiments of pagan writer. The substantiation of the river from the characters and their fates in the texts of the Vologda writer is presented more frequently and approved by the author as existential norm.

Keywords

River, story, image, traditional culture, mythopoetic.

DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-2-59-70

REFERENCES

1. Aipin Ye. D. 1995. *Klyatvoprestupnik* [Oathbreaker]. Moscow: Nash sovremennik.
2. Aipin Ye. D. 2007. *Reka-v-Janvare* [River-in-January]. St. Petersburg: MIRRAL.
3. Aipin Ye. D. 2014. *Sobranie sochineniy* [Collected Works] in 4 vols. Vol. 1. *U gasnushogo ochaga* [Near the Fading Hearth]. St. Petersburg: Amfora.
4. Astafiev V. P. 1997. *Sobranie sochineniy* [Collected Works] in 15 vols. Vol. 6. *Tsar-ryba* [Thar-Fisn]. Krasnoyarsk: Ofset.
5. Belov V. I. 1982. *Lad: ocherki o narodnoy estetike* [Harmony: Essays about Folk Aesthetic]. Moscow: Molodaya gvardiya.
6. Belov V. I. 1991. *Sobraniye sochineniy* [Collected Works] in 5 vol. Vol. 1. Moscow: Sovremennik.
7. Golovnyov A. V. 1995. *Govoryashiye kultury: tradiciyi samodiycey i ugrov* [Talking Cultures: Samoyed and Ugrian Traditions]. Yekaterinburg: UrO RAN.
8. Komarov S. A., Yudinseva E. L. 2014. "Fenomen molchaniya v russkoy i russkoyazichnoy ontologicheskoy povesti" [The Phenomenon of 'Silence' of Ontological Prose of 1970s by Russian and Russian-Speaking Writers]. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, no 1, pp. 122-130.
9. Komarov S. A., Lagunova O. K., Selitskaya Z. Ya. 2011. *Izuchenie literatury v regionalnom aspekte* [The Study of Literature in the Regional Aspect]. Ishim: Yershov Ishim State Pedagogical Institute.
10. Lagunova O. K. 2007. *Fenomen tvorchestva russkoyazychnykh pisateley nentsev i khantov posledney treti XX veka (Ye. Aipin, Ch. Aitmatov, A. Nerkagi)* [The Phenomenon of Creativity of Russian Nenets and Khanty Writers of the Last Third of the 20th century (Ye. Aipin, Ch. Aitmatov, A. Nerkagi)]. Tyumen: Tyumen State University.
11. Lagunova O. K., Tsimbalova Yu. A. 2015. "Ontologicheskij diskurs I tradicionnyi geroy v rasskazah V. I. Belova" [The Ontological Discourse and Natural Hero in the Stories of V. I. Belov]. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, vol. 1, no 3(3), pp. 59-71.
12. Lebedeva A. V. 2012. "Sotvorchestvo pisatel'a Yeremeya Aipina I khudoznika Gennadiya Raysheva" [Co-Creation of the Writer Yeremey Aipin and the Painter Gennadiy Rayshev]. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, no 3, pp. 66-70.

13. Rasputin V. G. 2007. "Proshaniye s Mat'oroy" [The Parting with Matera]. In: *Sobranie sochineniy* [Collected Works] in 4 vols. Vol. 4. *Povesty i rasskazy* [Short Novels and Stories], pp. 5-236. Irkutsk: Izdatel Sapronov.
14. Sagalaev A. M. 1991. *Uralo-altaiskaya mifologiya: Simvol i arhetip* [Ural-Altai Mythology: Symbol and Archetype]. Novosibirsk: Nauka.
15. Toporov V. N. 1994. "Reka" [The River]. In: *Mify narodov mira* [The Mythos of the World], vol. 2, pp. 374-376. Moscow: "Sovetskaya encyklopedia".
16. Toporkov A. L. 2002. "Reka" [The River]. In: *Slavyanskaya mifologiya* [Slavonic Mythology], pp.405-407. Moscow: *Mezdunarodnyie otnosheniya*.